

В. С. БОНДАРЧУК

ПРОБЛЕМЫ ИТАЛЬЯНСКОГО РИСОРДЖИМЕНТО В ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ТРУДАХ А. ГРАМШИ

Исторические работы А. Грамши, как, впрочем, и все его исследования в области философии, литературоведения и др., вошедшие в «Тюремные тетради», привлекают к себе все возрастающее внимание как в самой Италии, так и за ее пределами. Они стали объектом тщательного изучения и оживленной полемики. В частности, большой интерес вызывают работы А. Грамши, посвященные истории Рисорджименто — национально-освободительного и объединительного движения итальянского народа. Некоторые видные буржуазные историки, которым не по душе ясно выраженная классовая заостренность исторических трудов Грамши, отвергают его историческую концепцию. В то же время опубликование исторических работ А. Грамши явилось важным импульсом для деятельности целого направления итальянских историков, придерживающихся марксистской методологии или тяготеющих к ней. Уже появился ряд сочинений, написанных либо под прямым влиянием концепции А. Грамши, либо с учетом тех или иных ее положений¹. Джорджо Канделоро предпринял попытку создать на базе выдвинутой А. Грамши исторической концепции обширное обобщающее исследование итальянской истории². Его работа, рассчитанная на 6 томов, охватит период с начала XVIII в. до установления в 1946 г. республики в Италии.

Большое внимание было уделено историческим исследованиям Грамши на состоявшейся в январе 1958 г. в Риме теоретической конференции, созванной Институтом Грамши. Один из четырех основных докладов был посвящен Грамши как историку.

Исторические исследования занимают одно из главных мест в огромном труде, задуманном и осуществленном Грамши в годы тюремного заключения. Они не носят академического, самодовлеющего характера. Исторический анализ связан в них множеством нитей с борьбой итальянского пролетариата — как с борьбой против фашизма, в которой участвовал сам Грамши, так и с перспективой этой борьбы, с ее конечной целью — осуществлением социалистического преобразования общества. Труды А. Грамши являются составной частью этой борьбы. Через все исторические работы Грамши красной нитью проходит отчетливое стремление автора извлечь уроки для настоящего и будущего, обращаясь к прошлому, рассмотренному сквозь призму задач пролетариата. Провозглашая открыто эту цель своего труда, Грамши четко формулирует: «Если писать историю прошлого, значит творить историю настоящего, то поистине велика та историческая книга, которая сегодня помогает развивающимся силам все больше осознавать себя и становиться благодаря этому более активными и действенными»³. Вполне естественно поэтому, что Грамши не

¹ F. Della Peruta. I contadini nella rivoluzione lombarda del 1848. — «Movimento operaio», 1953. № 4; S. F. Romano. Momenti del Risorgimento in Sicilia. Messina — Firenze, 1952; G. Candeloro. Il movimento cattolico in Italia. Roma, 1953; A. Caracciolo. Roma capitale — dal Risorgimento alla crisi dello stato liberale. Roma, 1956; G. Berti. Russia e stati italiani nel Risorgimento. 1957.

² G. Candeloro. Storia della Italia moderna, vol. I. Dal 1700 al 1815. Milano, 1956.

³ A. Gramsci. Il Risorgimento. Opere, vol. 4. Torino, 1949. p. 63.

одну сотню страниц своих «Тюремных тетрадей» посвящал рассмотрению эпохи Рисорджименто.

20-е годы XX в. ознаменовались в Италии крахом буржуазной демократии, парламентского либерального государства, созданного в итоге Рисорджименто, и установлением реакционной фашистской диктатуры. В этот период с совершенной очевидностью обнаружилось неспособность и нежелание буржуазии разрешить ряд важнейших проблем, среди которых одно из центральных мест занимал аграрный вопрос. Именно стремление А. Грамши глубоко осмыслить происходившие тогда события заставило его обратиться к рассмотрению Рисорджименто как исторического явления, органически связанного с современностью и во многом обусловившего ее, в частности, в результате того, что Рисорджименто оставило в наследие ряд неразрешенных задач, имевших общенациональное значение.

Конкретная деятельность пролетариата и компартии должна, по мнению Грамши, основываться на прочной научной базе, которую создает также и историческое исследование. Говоря о «примитивности старых политических партий, об узком эмпиризме всякой конструктивной деятельности (включая государственную деятельность)», Грамши отмечал, что их «партийные программы были лишены исторической перспективы, выработанной с максимальной научной серьезностью, перспективной, позволяющей, исходя из всей предшествующей истории, выдвинуть цели, которые должны быть достигнуты в будущем и которые следует поставить перед народом как необходимость, требующую сознательной борьбы»⁴.

Историческое знание, историческое исследование рассматривались А. Грамши как важное идейное оружие пролетариата и его партии, позволяющее наметить правильные перспективы и цели борьбы, которые облекаются затем плотью и кровью, переходя в партийную программу. Таков был путь, позволявший изжить «главный изъян» всех концепций, или, как их называет Грамши, «интерпретаций», Рисорджименто. Их недостаток состоял в том, что они «не ставили себе задачей активизацию современных политических сил»⁵.

Грамши считал, что извлечь уроки из исторического прошлого для объяснения настоящего можно только на основе строго объективного изучения исторических фактов. Недаром в приведенном выше замечании Грамши требует «максимальной научной серьезности» при выработке исторической перспективы. Следует полностью согласиться с мнением современного итальянского историка Г. Манакорда, который отметил, что у Грамши «откровенное признание политико-практической ценности исторического знания является... в то же самое время призывом к научной скрупулезности и серьезности самого суждения в силу ответственности, лежащей на историке и состоящей в том, чтобы действительно снабдить народ орудием познания собственных судеб»⁶.

Приведенные выше замечания А. Грамши об общественной роли и задачах исторической науки необходимо постоянно учитывать при анализе его работ, посвященных Рисорджименто, ибо они позволяют выявить внутреннюю специфику его труда⁷. Необходимо подчеркнуть, что А. Грамши не ставил перед собой цели последовательно и систематически разработать все аспекты истории итальянского Рисорджименто. Поэтому, если в исследовании той или иной проблемы у Грамши отсутствует анализ некоторых ее сторон, из этого вовсе не следует, что он не придавал им должного значения. Грамши сознательно акцентировал внимание на тех вопросах, рассмотрение которых он считал наиболее необходимым — или потому, что они ранее вовсе не разрабатывались, или потому, что они подверглись особенно силь-

⁴ A. Gramsci. Il Risorgimento, p. 63.

⁵ Ibidem.

⁶ «Società», 1949, № 2, p. 310.

⁷ Внешней особенностью работ А. Грамши является их фрагментарность и эзоповский язык, обусловленные в значительной степени теми трагическими условиями, в которых протекала жизнь А. Грамши в годы работы над «Тюремными тетрадями». Тюремное заключение не только лишило Грамши возможности пользоваться материалами архивов, но создавало затруднения и в использовании исторической литературы. Исторические работы Грамши (большая часть их собрана в т. 4 его сочинений, озаглавленном «Il Risorgimento»), а некоторые включены в другие тома) представляет собой десятки законченных, а также незавершенных статей, большое количество заметок о книгах, набросков и т. п.

ному извращению в буржуазной историографии и требовалось восстановить их истинное значение. Некоторые вопросы Грамши не мог исследовать просто из-за того, что он не располагал необходимыми материалами. Но главным моментом, определявшим проблематику исторических работ А. Грамши, являлось всегда его желание извлечь из прошлого Италии уроки для стратегии и тактики итальянского пролетариата. Доминирующей, магистральной линией исследования являются для Грамши вопросы политического руководства национально-освободительным движением, органически связанные с анализом взаимоотношений между городом и деревней в эпоху Рисорджименто. Изучение этого комплекса вопросов явилось важной составной частью решения более широкой задачи, поставленной А. Грамши,— задачи создания марксистской концепции итальянского Рисорджименто

* * *

Рассматривая историю национально-освободительного движения в Италии, Грамши стремится выяснить истоки, условия возникновения и характер движения за воссоединение Италии. Он четко характеризует при этом Рисорджименто как движение буржуазное по своему существу.

Отвергая попытки буржуазных историков найти мнимое итальянское «единство» или «нацию» в средние века или даже в древнеримскую эпоху, А. Грамши в то же время — что характерно для его исследовательского метода — рассматривает Рисорджименто не изолированно, а в неразрывной связи с особенностями всего предшествующего развития Италии, в частности в связи с тем специфическим характером, который принял исторический процесс на полуострове начиная с эпохи Возрождения.

Грамши отмечает, что итальянская буржуазия в экономическом отношении развивалась раньше, чем, например, буржуазия во Франции, и что в отличие от последней ей даже удалось первоначально сокрушить феодалов. Однако в Италии процесс экономического и политического укрепления буржуазии не получил дальнейшего развития, не привел к завершающему результату — к созданию централизованного национального государства. «В XV в., — пишет А. Грамши, — предприимчивость итальянских купцов резко падает: они предпочитают вкладывать приобретенные богатства в земельные владения и получать верный доход от сельского хозяйства»⁸. Буржуа превращаются в земельных собственников⁹. Возрождение завершается поражением буржуазии городских коммун: «Феодальная анархия одержала победу в форме, соответствовавшей новому положению, а затем установилось иностранное господство»¹⁰.

А. Грамши усматривает основную социально-экономическую причину, вызвавшую к жизни национально-освободительное движение в Италии, в том, что итальянская буржуазия, находившаяся в течение нескольких столетий после эпохи Возрождения в состоянии упадка и деградации¹¹, в XVIII в. вступает в полосу нового подъема и прогрессирующего развития. Грамши указывает, что «в период 1750—1850 гг. ...происходит возобновление процесса формирования буржуазии, который достигает своей кульминационной точки в Рисорджименто»¹². Необходимость обеспечения свободы предпринимательской деятельности заставляла буржуазию выступать за объединение страны. «Единство (Италии.— В. Б.), облегчая обмен и оживляя связи между областями, должно было служить лишь образованию предпосылок для обновления торговой деятельности; свобода должна была быть свободой торговать, покупать, продавать, делать дела»¹³.

Сравнивая Французскую революцию XVIII в., Английскую революцию XVII в., революции 1848 г. и государственные преобразования в Германии в 50—60-х годах с

⁸ А. Грамси. Il Risorgimento, p. 9.

⁹ А. Грамси. Gli intellettuali e l'organizzazione della cultura. Opere, vol. 3. Torino, 1949, p. 38.

¹⁰ А. Грамси. Il Risorgimento, p. 18.

¹¹ Ibid., p. 20.

¹² А. Грамси. Gli intellettuali e l'organizzazione della cultura, p. 41.

¹³ А. Грамси. L'Ordine Nuovo. Opere, vol. 9. Torino, 1955, p. 328.

итальянским Рисорджименто, А. Грамши выделяет то общее, что роднит все эти движения,— «захват власти буржуазией»¹⁴. Отмечая, что вокруг буржуазии в годы борьбы за единство объединялись наиболее активные слои населения¹⁵, Грамши тем самым указывает и на роль итальянской буржуазии как руководящей силы национально-освободительного движения. Наконец, Грамши отмечает, что в итоге Рисорджименто молодая итальянская буржуазия создала новые формы государственной власти¹⁶.

Выявляя общие черты буржуазных революций в Италии и других европейских странах, А. Грамши в то же время устанавливает отличительные особенности итальянской революции. В силу политической раздробленности страны разрешение национального вопроса стало в Италии важнейшим условием осуществления буржуазных преобразований. Революция в Италии приняла поэтому специфическую форму борьбы против международных порядков и договоров, закреплявших эту раздробленность, форму освободительной борьбы против Австрии, препятствовавшей воссоединению Италии¹⁷.

Анализ предпосылок Рисорджименто Грамши связывал с проблемой происхождения национального движения. Грамши писал, что вопрос о времени и условиях возникновения Рисорджименто — один из самых сложных и порождает различные и противоречивые суждения. С одной стороны, историки националистического толка хотят доказать вполне самостоятельное происхождение итальянского освободительного движения и утверждают, что Французская революция конца XVIII в. своим вторжением на полуостров прервала «подлинно национальное движение», увела его с правильного пути. С другой стороны, высказывается мнение, что Рисорджименто вызвано исключительно воздействием Французской революции и не имеет внутренних корней. Отвергая эти односторонние суждения, Грамши, опираясь на марксистский метод исследования, сумел показать то сложное переплетение событий, в которых зародилось национально-освободительное движение в Италии. А. Грамши вскрывает диалектическую связь между процессами, происходившими в XVIII в. в самой Италии, и тем влиянием, которое оказала на Италию Французская буржуазная революция. Он отмечает, что это влияние не могло бы быть столь глубоким и многообразным, если бы Италия не была предварительно подготовлена к его восприятию.

Важнейшей предпосылкой развития национального движения на полуострове явилось уже отмеченное оживление экономической жизни, новое усиление буржуазного развития. Вместе с тем новым фактором итальянской действительности было резкое уменьшение влияния папского государства, которое в XVIII в. испытывало «поистине катастрофическое» падение своего могущества как «европейской державы». Но так как сила папства в пределах самой Италии «зависела от его международного могущества», то ослабление позиций папства на международной арене означало в то же время ослабление одного из самых сильных и непримиримых противников создания единого светского итальянского государства. «Рисорджименто стало возможным,— пишет Грамши,— только в результате ослабления папства как европейской и как итальянской силы, т. е. как возможной силы, которая могла бы реорганизовать государства полуострова под своей гегемонией»¹⁸.

В целом, как отмечает Грамши, «в XVIII в. как внутри Италии, так и вне ее возникают и становятся устойчивыми объективные условия (международные и национальные), которые придают задаче создания национального единства исторически конкретный характер, т. е. делают его не только возможным, но и необходимым». Но только после 1789 г., подчеркивает Грамши, «эту задачу начинают осознать группы граждан, готовых на борьбу и на жертвы»¹⁹.

Таким образом, Французская революция явилась именно тем мощным толчком, который привел в движение патристические силы Италии. Поэтому начало Рисорджи-

¹⁴ A. Gramsci. Il Risorgimento, p. 88.

¹⁵ A. Gramsci. Passato e presente. Opere, vol. 7. Torino, 1951, p. 16.

¹⁶ A. Gramsci. Il compagno Serrati e le generazioni del socialismo italiano. В сборнике: «Trenta anni di vita e lotte del P. C. I.».— «Rinascita», Quaderno 2, p. 81.

¹⁷ A. Gramsci. Il Risorgimento, p. 86.

¹⁸ Ibid., p. 43, 45.

¹⁹ Ibid., p. 51.

менто как эпохи открытой политической борьбы Грамши относит к периоду Французской революции. Нанеся мощный удар по силам феодально-абсолютистской реакции как в самой Италии, так и за ее пределами, революция во Франции создала новые благоприятные условия — объективные и субъективные — для развития национально-освободительного движения на полуострове. После Французской революции и наполеоновских войн «международная обстановка из фактора отрицательного и пассивного становится активным фактором»²⁰. С другой стороны, важнейшая заслуга Французской революции состояла в том, что она вызвала в самой Италии резкое ослабление мощных и объединенных реакционных сил (в том числе церкви). выступавших против воссоединения, и тем самым дала возможность национальным силам, «которые сами по себе были еще незначительны и слабы, нанести реакции контрудар». До начала революции во Франции силы, стремившиеся к единству Италии, были «разрознены, не связаны между собой и неспособны создать эти связи». Революция содействовала их сплочению и централизации, значительно ускорила «сосредоточение и взаимопонимание между ними». Под влиянием Французской революции возникает та «группировка политических элементов, которая разовьется впоследствии в совокупность политических партий, сыгравших главную роль в период Рисорджименто»²¹.

Своими политическими лозунгами Французская революция оказала огромное идейное воздействие прежде всего на левое, демократическое крыло национального движения в Италии. Грамши отмечает, что так называемая Партия действия «ведет свое происхождение от Французской революции и того отклика, который она вызвала в Италии». Лозунг Французской революции — «единая и неделимая республика» явился прообразом итальянского лозунга — «единое и неделимое государство». Революция и последовавшие за ней наполеоновские войны «втягивают в сферу политических и национальных интересов мелкую буржуазию и низшие слои интеллигенции, дают им известный военный опыт и создают известное число офицеров — итальянцев»²². Таковы те основные пути, по которым плано воздействие Французской революции на развитие итальянского Рисорджименто. Это воздействие, если резюмировать мысли Грамши, привело к тому, что дотоле скрытые глубинные процессы вышли на поверхность общественной жизни, вылились в открытую политическую борьбу, знаменовавшую начало национально-освободительного движения в Италии.

В трактовке А. Грамши проблем истоков происхождения и характера Рисорджименто, несмотря на ее фрагментарность, содержится и ряд других важных моментов. Так, Грамши выдвигает и отстаивал требование всестороннего, комплексного анализа различных факторов, оказывавших воздействие на возникновение и развитие Рисорджименто, — как экономических и политических, так и идейных, в частности идейных традиций. Он обратил также внимание на особую роль, которую сыграли в национальном движении мелкая буржуазия и интеллигенция²³.

Однако, как уже отмечалось, центральное место в исторических работах А. Грамши занимает анализ проблемы политического руководства национальным движением. Исходным пунктом для Грамши являются при этом отношения между городом и деревней, т. е. отношения между основными социальными силами итальянского общества, в период Рисорджименто.

В общей структуре населения Италии А. Грамши выделяет пять основных групп: 1) «городскую силу Севера», 2) «сельскую силу Юга», 3) «сельскую силу Северо-Центрального района», 4) «сельскую силу Сицилии», 5) «сельскую силу Сардинии». Руководящей силой, гегемоном национального движения могла быть, по его мнению, только «городская сила Севера», включавшая в себя наиболее развитые в экономическом и политическом отношении слои итальянской буржуазии. Эта сила могла, как писал Грамши, повести за собой сельские массы других районов Италии лишь в том случае, если бы она поставила своей целью разрешить проблемы, которые волновали итальянское крестьянство, и прежде всего осуществить аграрную реформу. При этом «городская сила Севера» могла связаться с крестьянством юж-

²⁰ A. Gramsci. Il Risorgimento, p. 45.

²¹ Ibid., p. 51, 54.

²² Ibid., p. 45.

²³ Ibid., p. 46.

ных районов Италии и островов, только опираясь на «городские силы» этих районов. Поэтому перед ней стояла еще одна сложная задача — сплочение «городских сил других национальных районов и особенно Юга»²⁴.

Таким образом, чтобы разрешить основную задачу, т. е. стать гегемоном национального движения в целом, «городским силам Севера» нужно было прежде всего стать руководителем всех остальных городских сил полуострова. Так должен был, по мнению А. Грамши, выглядеть тот «историко-политический механизм», с помощью которого можно было привести в движение широчайшие массы итальянского населения, сельские и городские низы и вовлечь их в освободительное движение. Кто же мог «овладеть» этим «историко-политическим механизмом» и «пустить его в ход»?

Как известно, борьба за руководство итальянским национальным движением, начиная с 40-х годов XIX в. и особенно со времени революции 1848—1849 гг., велась между двумя основными политическими течениями — демократами (Партией действия, как они стали именоваться после революции и как их обобщенно называет Грамши) и либералами, или умеренными.

Анализируя деятельность демократов и либералов в период Рисорджименто, А. Грамши во главу угла ставит вопрос о взаимоотношениях их с народными массами. Впервые в итальянской историографии, пользуясь марксистским критерием о роли народных масс в историческом процессе, Грамши рассматривает деятельность этих течений прежде всего с точки зрения их связей с народом и руководства народом.

Партия действия, включавшая в себя наиболее радикальные элементы буржуазной демократии, выступала за создание единой Италии и установление республики. Социальный состав этой партии был очень разнороден: наряду с демократическими элементами городских низов и мелкобуржуазной интеллигенции, в нее входили также представители патристически настроенного дворянства и земельной буржуазии. Это накладывало глубокий отпечаток на ее политику. Оценивая роль демократов в Рисорджименто, А. Грамши акцентирует внимание на том, что демократы не ставили аграрный вопрос во всей его широте, хотя именно он являлся «той пружиной, которая была способна привести в движение огромные сельские массы». Такая позиция демократов определялась целым рядом обстоятельств и прежде всего страхом перед тем, что аграрные преобразования могут привести к посягательствам на частную собственность²⁵.

«Можно заметить,— пишет А. Грамши,— что призрак, господствовавший в Италии до 1859 г., был не призраком коммунизма, а призраком Французской революции; что же касается «панического страха», то это был не «панический страх» буржуа, а страх «земельных собственников». На боязни земельных собственников перед аграрной реформой, которая связывалась в их представлении с «якобинизмом», ловко спекулировала Австрия, угрожая разрешить аграрный вопрос в пользу крестьян, как она это сделала в Галиции против воли польских дворян. Грамши замечает, что в «пропаганде Меттерниха коммунизм означал попросту аграрный вопрос и аграрную реформу»²⁶. Эта угроза Австрии парализовала Партию действия, считавшую, как и умеренные, «национальными силами» аристократию и собственников, а не миллионы крестьян²⁷.

Кроме того, некоторые крупнейшие руководители Партии действия проявляли время от времени колебания, находясь «в отношениях личной зависимости от руководителей умеренных». В результате Партия действия не выдвинула «органической правительственной программы», которая, включая в себя важнейшие требования широких народных масс, позволила бы поднять низы, и прежде всего крестьянство, на общенациональное восстание и изгнать австрийцев. Противопоставляя французских якобинцев деятелям Партии действия, А. Грамши отмечает, что в последней не существовало «ничего похожего на это якобинское направление, на эту несгибаемую волю сделаться руководящей партией»²⁸.

²⁴ A. Gramsci. Il Risorgimento, p. 101

²⁵ Ibid., p. 103.

²⁶ Ibid., p. 119.

²⁷ Ibid., p. 103.

²⁸ Ibid., p. 72, 86.

В этой связи представляет большой интерес данная Грамши характеристика лидера Партии действия Джузеппе Мадзини. Как известно, Мадзини первым в итальянском освободительном движении поставил проблему народной инициативы, вовлечения народа в освободительную борьбу, организации народного вооруженного восстания. Однако Мадзини, как отмечает Грамши, подходил к организации такого восстания нереалистически²⁹. Он не понимал необходимости «длительной политической и идеологической подготовки» всенародного восстания, которая позволила бы провести его одновременно по всей стране³⁰. Вся деятельность Мадзини практически сводилась к «постоянной и непрерывной проповеди единства», но эта проповедь оставалась «абстрактной»³¹, так как у него не было «точно сформулированной программы» социальных преобразований. Из поражения революции 1848—1849 гг. Мадзини не извлек серьезных уроков и не приступил к глубокой переоценке своих принципов. Он возбудил против себя крайнее недовольство со стороны наиболее решительных людей Партии действия именно тем, что не внес в нее «твердого политического руководства». А. Грамши отмечает также, что философская концепция Мадзини не могла обеспечить доминирующего влияния Партии действия среди интеллигенции, ибо Мадзини выдвигал только «туманные положения», которые «многим интеллигентам, особенно неаполитанским, должны были казаться пустой болтовней». Мадзинистское стремление к религиозной реформе мешало Партии действия установить тесные связи с крестьянством, ибо такая реформа не только не интересовала широкие массы крестьян, но, напротив, «делала их восприимчивыми к подстрекательству против новых еретиков»³².

Общий вывод А. Грамши сводится к тому, что Мадзини был «апостолом-просветителем», а не «реальным политиком», ибо он не обладал ясным пониманием ни задач своей собственной партии, ни задач своих противников. Это порождало у него колебания и приводило к несвоевременным попыткам поднять восстания, что «было на руку пьемонтской политике»³³.

Оценка Мадзини, которую дал А. Грамши, в некоторых отношениях перекликается с тем, как спустя два года после смерти Мадзини характеризовал его выдающийся итальянский критик XIX в. Франческо Де Санктис в своих лекциях об итальянской литературе.

По мнению Де Санктиса, Мадзини не обладал точным представлением о реальном положении в стране; он не был действительным политиком; о нем нельзя также сказать, что он являлся философом, мыслителем или религиозным реформатором; он был скорее конспиратором и агитатором³⁴. Учитывая эти мысли Де Санктиса, Грамши кладет, однако, в основу оценки Мадзини и всей Партии действия иные, несравненно более глубокие критерии. Пробным камнем для Грамши служит позиция демократов в аграрном вопросе. Только защита интересов широких народных масс, прежде всего крестьянства, могла служить, с точки зрения Грамши, показателем вполне самостоятельной политики демократов.

Не только Мадзини, но и наиболее радикально настроенные деятели — Карло Пизакане и Джузеппе Феррари, занимавшие крайне левые позиции в лагере итальянской буржуазной демократии, не сумели подняться, как отмечает А. Грамши, до полного понимания задач, выдвигавшихся итальянской действительностью. Им не удалось вызвать изменения политики Партии действия по отношению к крестьянству.

Называя Пизакане «военным теоретиком мадзинизма», Грамши указывает, что он относился к народным требованиям прежде всего как военный деятель. Он понимал, что «без демократической политики невозможно создать национальную армию с обязательной воинской повинностью»³⁵. Но хотя Пизакане понимал, что в

²⁹ A. Gramsci. Note sul Machiavelli, sulla politica e sullo stato moderno. Opere, vol. 5. Torino, 1949, p. 71.

³⁰ Ibid., p. 72.

³¹ A. Gramsci. Il Risorgimento, p. 73, 84.

³² Ibid., p. 104.

³³ A. Gramsci. Note sul Machiavelli, p. 70.

³⁴ F. De Sanctis. La letteratura italiana nel secolo XIX. 1920. 6ª ed., p. 421, 423.

³⁵ A. Gramsci. Il Risorgimento, p. 74.

Италии отсутствует «якобинский фермент» в классическом смысле этого слова, сам Пизакане тем не менее не был носителем «реалистической тенденции» в Рисорджименто, ибо «действовал изолированно, не имел партии, кадров»³⁶.

Другим выдающимся представителем левого крыла демократов был Д. Феррари, которого Грамши называет «непризнанным специалистом» Партии действия по аграрному вопросу³⁷. Феррари долго жил во Франции. Он поднялся до понимания политики якобинцев, использовавших аграрную реформу в качестве средства вовлечения в революцию широких слоев крестьянства. В своих сочинениях, написанных под воздействием идей и опыта Французской революции, Феррари выступал как сторонник аграрной реформы в Италии; немалое место в них занимал вопрос о безземельных крестьянах и поденщиках. И тем не менее Феррари не оказал сколько-нибудь серьезного влияния на политику Партии действия. А. Грамши объясняет это тем, что Феррари, используя французский опыт, отражавший положение страны, значительно более развитой, не сумел творчески, конкретно применить его к Италии. Д. Феррари выступал против остатков феодализма, против феодальных принципов наследования в землевладении. Однако в силу оторванности от итальянской действительности его план аграрных преобразований являлся не конкретной и актуальной программой, а лишь «абстрактной идеей», «принципом философии истории»³⁸.

Партия действия в целом не сумела подняться до положения подлинно якобинской партии, и это дает основание для суровых обобщающих оценок Грамши. «При более глубоком изучении вопроса оказывается,— пишет он,— что во многих отношениях отличие очень многих сторонников Партии действия от умеренных заключалось скорее в «разности темперамента» и не имело глубокого политического значения»³⁹. Если Партия действия хотела эффективно противостоять лагерю умеренных, «она должна была связаться с сельскими массами, особенно южными, стать «якобинской» не только по внешней «форме», по темпераменту, но главным образом по своей социально-экономической сущности»⁴⁰.

Бесспорно, Грамши имел веские основания для таких упреков по адресу демократов. Со времени образования в 1831 г. «Молодой Италии», положившей начало их оформлению как политического течения, до завершения объединения Италии в 1870 г. демократическое направление в целом отрицательно относилось к идее аграрной реформы, к идее якобинского переворота в земельных отношениях. Уже в 1832 г. Мадзини в одной из своих статей, декларативно согласившись с необходимостью «разрушить, уничтожить старый социальный строй, ликвидировать остатки феодализма, разбить цепи, отягощающие нацию», одновременно ясно и недвусмысленно провозгласил: «Мы не хотим... ни аграрных законов, ни бесполезных насилий над индивидуальными способностями, ни узурпаций собственности»⁴¹. Этих взглядов демократы придерживались на протяжении всего последующего периода Рисорджименто. Некоторые меры, осуществленные ими в интересах крестьян в период Римской республики, робкие попытки Мадзини в 1853 г. пересмотреть свои старые взгляды, и даже аграрные декреты, провозглашенные Гарибальди в Сицилии и Неаполе в 1860 г. (они остались неосуществленными, правда, не по его вине), не наложили сколько-нибудь заметного отпечатка на позицию Партии действия в аграрном вопросе. Отказавшись от борьбы за глубокие социальные преобразования в деревне, Партия действия в этом отношении не пошла дальше либералов.

Интерес А. Грамши к позиции демократов по отношению к крестьянству и аграрному вопросу вполне закономерен. Хотя со времени объединения Италии прошли

³⁶ A. Gramsci. Il Risorgimento, p. 119, 116. Грамши считает, что у Пизакане есть некоторые черты, сближающие его с русскими революционерами того времени. В этой связи Грамши ставит вопрос о необходимости глубокого изучения влияния Герцена на итальянских демократов эпохи Рисорджименто, отмечая, что «народная инициатива» у Мадзини и Пизакане окрашена крайними «популистскими» тенденциями.— Ibid., p. 115.

³⁷ Ibid., p. 82.

³⁸ Ibid., p. 156.

³⁹ Ibid., p. 75.

⁴⁰ Ibid., p. 81.

⁴¹ G. Mazzini. Scritti editi ed inediti, vol. 2. Imola, 1906, p. 183, 210.

десятилетия, буржуазно-демократические задачи, не решенные в период Рисорджименто, продолжали оставаться в Италии на повестке дня и в 20-е годы XX в. Аграрный вопрос приобрел даже еще большую остроту, однако социалистическая партия оказалась неспособной установить связь с крестьянскими массами. Это было одной из причин того, что в революционном движении, охватившем Италию после первой мировой войны, рабочий класс оказался изолированным от крестьянства и не сумел оказывать эффективного противодействия фашизму.

Проблема руководства крестьянскими массами со стороны городского пролетариата постоянно стояла перед духовным взором А. Грамши в период его работы над «Тюремными тетрадами». Поэтому он с особенным вниманием исследовал конкретную форму, которую приняла в Италии в период Рисорджименто проблема руководства крестьянством со стороны городской буржуазной демократии. Из этого анализа вытекал тот важный вывод, что именно отказ Партии действия от такого руководства сделал невозможным проведение буржуазной демократией действительно самостоятельной, успешной политики и обусловил в конечном счете преобладание в объединенном государстве консервативных сил. Исследование прошлого превращалось, таким образом, под пером Грамши в наглядный урок для коммунистов и пролетариата в целом, концентрировало их внимание на задаче первоочередной важности — на необходимости установления тесного союза с крестьянством как условия превращения пролетариата в руководящий класс нации. Таков «подтекст» исследования А. Грамши, посвященного исторической роли демократов в итальянском Рисорджименто.

В своих исторических работах А. Грамши подверг анализу также и деятельность либерального направления. Он пришел к выводу, что в противоположность Партии действия либералы опирались на более однородную социальную базу. Эта социальная монолитность проявлялась в органической связи умеренных с высшими классами и выражалась в том, что либералы, выполняя роль политических организаторов, одновременно принимали непосредственное участие в экономической деятельности, будучи сами крупными землевладельцами, управляющими имениями, торговцами или промышленниками и т. д. Поэтому умеренные были «подлинно органическим авангардом высших классов», могли проводить более устойчивую политику и в конечном счете имели возможность утвердить свою «интеллектуальную, моральную и политическую гегемонию»⁴².

Содержание, которое А. Грамши вкладывает в понятие гегемонии, базируется на ленинской теории расстановки социально-политических сил в революции⁴³. «Главенство» (*supremazia*) социальной группы А. Грамши рассматривает как складывающееся из двух элементов — из «господства» над враждебными группами и из «интеллектуального, морального и политического руководства», т. е. собственно гегемонии по отношению к союзным группам. Анализируя борьбу партий в Рисорджименто под таким углом зрения, Грамши приходит к выводу, что победу одержали умеренные.

Поставив проблему руководства, А. Грамши не только исследует историю борьбы умеренных за установление своей гегемонии, но и делает конкретные политические выводы, имеющие важное значение для практической деятельности итальянских коммунистов и пролетариата в целом. «Лишь та социальная группа является господствующей над враждебными ей группами, — пишет он, — которая стремится «ликвидировать» или подчинить их себе, не останавливаясь перед применением вооруженной силы, и которая одновременно выступает как руководитель союзных и родственных ей групп. Социальная группа может и даже должна выступить как руководящая сила еще до захвата государственной власти (в этом заключается одно из важнейших условий самого завоевания власти). Впоследствии, находясь у власти и даже прочно удерживая ее, становясь господствующей, эта группа должна будет оставаться в то же время руководящей»⁴⁴.

⁴² A. Gramsci. Il Risorgimento, p. 71.

⁴³ В своих работах А. Грамши не раз говорит о «разработке теории гегемонии и ее реализации, осуществленной Ильичем». — См., например, A. Gramsci. Il materialismo storico e la filosofia di B. Croce. Opere, vol. 2. Torino, 1948, p. 32, 75, 201—202.

⁴⁴ A. Gramsci. Il Risorgimento, p. 70.

Умеренным удалось, отмечает Грамши, в отличие от демократов утвердить свою гегемонию в Рисорджименто. Благодаря тому, что их деятельность включала в себя выполнение как политических, так и экономических функций, они оказывали «мощное притягательное воздействие» на все слои итальянской интеллигенции, в том числе и на демократов. В результате умеренные постепенно, но непрерывно, с помощью различных методов, перетягивали на свою сторону, «поглощали» наиболее активные элементы — «elite» — не только союзных, но и враждебных им групп, что приводило, с одной стороны, к обезглавливанию демократического течения, а с другой — к формированию все более обширного руководящего класса во главе с умеренными.

А. Грамши, однако, не останавливается на общем признании того факта, что умеренным удалось возобладать в борьбе с демократами и утвердить свою гегемонию. Он раскрывает и ту специфическую форму, которую приняла эта гегемония умеренных.

Основная задача умеренных в национальном движении состояла не в создании объединенной Италии на радикально обновленной социально-политической базе. Она сводилась к поглощению Пьемонтом остальных итальянских государств и к распространению на них пьемонтских порядков. Либералы-кавуристы рассматривали единство Италии лишь «как расширение Пьемонтского государства и владений Савойской династии; не как национальное движение «снизу», а как королевское завоевание». Исходя из желания создать вокруг Пьемонта «блок всех правых сил, включая... крупных землевладельцев»⁴⁵, умеренные даже не помышляли о постановке аграрного вопроса.

Боясь возникновения крестьянской войны и осуществления «якобинских преобразований» в деревне, умеренные всеми силами стремились не допустить вмешательства низов в объединительное движение⁴⁶ и всецело полагались на армию Пьемонта и его дипломатию. Им «нужны были солдаты для пьемонтской армии, а не для восстания». Особенно явно это проявилось во время революции 1848 г., когда умеренные сделали все, чтобы изолировать пьемонтскую армию от влияния народа и свести борьбу с Австрией к чисто военным операциям. Пьемонтское правительство действовало так потому, что оно «предпочитало поражение общеитальянскому восстанию»⁴⁷. Грамши отмечает, что эта политика была главной причиной неудачи национального движения в период революции 1848—1849 гг. Она не только привела к разгрому пьемонтской армии, но и оттолкнула от революции крестьян Ломбардии и Венеции, которые видели в ней, так же как и в венской революции, «дело господ и студентов». В результате Австрии удалось завербовать этих крестьян, и они стали «одним из наиболее эффективных орудий для удушения венской и, следовательно, итальянской революции». Общий вывод Грамши сводится к тому, что политика правых пьемонтских либералов в 1848—1849 гг. «задержала объединение страны на несколько десятилетий»⁴⁸.

Линию на отказ от союза с народными низами либералы последовательно проводили вплоть до завершения Рисорджименто. Поэтому гегемония, которую им удалось утвердить, ограничивалась узкими рамками господствующих классов. Это была «гегемония одной части социальной группы над всей группой, а не гегемония самой этой группы по отношению к другим силам». Умеренные, по выражению Грамши, хотели не «руководить», а «господствовать». Если учесть, что либералы и слышать не хотели о союзе с народом, то единственной реальной силой, с помощью которой они могли бы утвердить свое господство, или, как пишет Грамши, «диктатуру без гегемонии», являлось Пьемонтское государство с его армией и дипломатией.

⁴⁵ А. Gramsci. Il Risorgimento, p. 46, 103.

⁴⁶ Грамши проводит интересную параллель между позицией итальянских землевладельцев и позицией польских дворян, занятой ими в годы разделов Польши. Цитируя одного польского историка, который пишет о польских дворянах, что они предпочитали скорее продать нацию врагу, чем уступить хотя бы минимальную часть земли крестьянам, А. Грамши замечает: «Сущность польских событий... чрезвычайно показательна и объясняет большую часть событий вплоть до 1859 г. также и в Италии». — А. Gramsci. Il Risorgimento, p. 137.

⁴⁷ Ibid., p. 103, 110.

⁴⁸ Ibid., p. 90—92.

В этой связи Грамши отмечает, что в итальянском Рисорджименто Пьемонт сыграл роль, которая в некоторых отношениях может быть уподоблена роли «руководящей политической партии» или «руководящего класса»⁴⁹. В деятельности Пьемонтского государства он видел претворение в жизнь интересов буржуазно-помещичьего блока. Подчеркивая факт исключительной активности пьемонтской государственной надстройки, А. Грамши выявил одну из важных специфических черт буржуазной революции в Италии.

Бурная деятельность Пьемонтского государства должна была в известной мере компенсировать слабость итальянской буржуазии как руководящего класса. В отличие от французских якобинцев итальянская либеральная буржуазия хотела утвердить в стране буржуазный порядок, не шествуя во главе победоносных отрядов революционной народной армии, а следуя в полной безопасности за пушками королевских войск. «Не руководство, а господство», — вот что нужно было, по меткому замечанию А. Грамши, итальянской буржуазии, и она старалась осуществить этот принцип, используя в качестве тарана военную и дипломатическую силу Пьемонта.

Рассматривая роль Кавура в истории Рисорджименто, А. Грамши проводит мысль о необходимости беспристрастной оценки значения его политики в деле объединения Италии, «даже если эта политика являлась победоносной борьбой против народных сил» и «содействовала созданию узкого, сектантского государства». А. Грамши не раз говорит о политическом реализме Кавура и утверждает, что этот вопрос заслуживает «разработки без предвзятых взглядов и без риторики»⁵⁰. Тезис о политическом реализме Кавура, естественно, не нов. Однако А. Грамши дает ему истолкование, отличающееся от монотонных утверждений буржуазной историографии, усматривающей этот реализм в том, что Кавур отказался от «ошибочных» крайностей революционной борьбы и стремился разрешить национальные проблемы на базе «легальной» политики монархического Пьемонта⁵¹.

А. Грамши, говоря о «политическом реализме» Кавура, отмечал прежде всего его умение правильно определить те силы, которые могли служить опорой политики умеренных, например путем установления самого тесного контакта с южными помещиками. Кавур сумел также использовать противоречия между европейскими государствами, и в его руках дипломатия стала острым и весьма эффективным политическим средством. В то же время Грамши подчеркивает, что метод Кавура был методом консерватора, а не революционера и что ему удалось добиться успеха «именно из-за отсутствия сильных и интеллигентных (в политическом смысле) соперников»⁵², т. е. сильной революционной демократии.

В то же время А. Грамши отмечает, что цели, которыми руководствовались умеренные и для осуществления которых так много сделал Кавур, расходились с интересами итальянской нации. «Кавур действовал превосходно как человек партии; что же касается того, — подчеркивает Грамши, — представляла ли его партия впоследствии наиболее глубокие и прочные национальные интересы, хотя бы только в смысле самого широкого понимания общности основных требований буржуазии и народных масс, — это уже другой вопрос»⁵³.

Эта характеристика Грамши относится к деятельности либералов как в период революции 1848—1849 гг., так и в период нового подъема национального движения в 1859—1860 гг., когда умеренные снова стремились не допустить развития народной инициативы. Это выразилось, например, в их недоброжелательном, а подчас и открыто враждебном отношении к подготовке гарибальдийской экспедиции. Гарибальди впоследствии писал, что «правительство Кавура начало окружать нас той сетью проволок и задержек, которые преследовали нашу экспедицию до последнего мгновения»⁵⁴. Неаполитанское королевство было завоевано Гарибальди для обще-

⁴⁹ A. Gramsci. Il Risorgimento. p. 105—107.

⁵⁰ Ibid., p. 151, 152.

⁵¹ Как удачно отмечает Грамши, буржуазная историография выдает за «острый политический реализм» все то, что совпадает с программой пьемонтских умеренных. — Ibid., p. 186.

⁵² A. Gramsci. Note sul Machiavelli, p. 70; его же. Il Risorgimento p. 149, 151, 188.

⁵³ A. Gramsci. Il Risorgimento, p. 89.

⁵⁴ G. Garibaldi. Edizione nazionale degli scritti di Giuseppe Garibaldi, vol. II. Bologna, 1932, p. 414.

итальянского государства вопреки политике, проводившейся в тот период умеренными, и если бы не решительные действия демократов, задача объединения Италии не была бы в то время решена и неизвестно, сколько еще лет и десятилетий потребовалось бы для ее осуществления⁵⁵.

Общенациональные интересы неизменно отступали на второй план перед узкопартийными устремлениями умеренных. Доминирующим фактором их политики была боязнь того, что демократам удастся возобладать в политической борьбе и добиться решающего влияния в будущем общенациональном государстве. А. Грамши глубоко прав, когда отмечает, что в период подготовки и проведения гарибальдийской экспедиции политика таких ведущих деятелей либеральной партии, как Кавур и Д'Адзелио, диктовалась «слепой и сектантской враждебностью к Партии действия и к Гарибальди» и сводилась не столько к объединению Италии, сколько к тому, чтобы «воспрепятствовать действиям демократов»⁵⁶.

Сопоставление деятельности и программ либерального и демократического направлений дает основание Грамши (несмотря на отмеченные им слабости демократов) сделать в конечном счете вывод, что «в большей мере национальным элементом является по существу Партия действия»⁵⁷. Этот вывод Грамши учитывает главное — вклад демократов в разрешение центральной объективно-исторической задачи, стоявшей перед итальянским национально-освободительным движением, — задачи создания государственного единства Италии. Как показали события, только Партия действия не останавливалась перед нарушением «порядка» и насильственным ниспровержением «законных» феодально-абсолютистских правительств.

Признавая, что в деле воссоединения Италии демократы выступали как сила наиболее революционная по сравнению с другими политическими группировками, Грамши стремился прежде всего выявить слабые стороны деятельности демократов⁵⁸, установить их ответственность за то, что буржуазная революция не была доведена до конца и завершилась компромиссом с феодальными классами⁵⁹. Кроме того, были и еще некоторые обстоятельства, побудившие Грамши дать ряд резко критических оценок представителям демократического направления. Так, Грамши стремился развеять ореол святости и непогрешимости, которым патриотическая риторика окружила Мадзини, и показать, что за громкими фразами демократов об единении с народом скрывалась их оторванность от широких народных масс, от крестьянства, обусловившая слабость сторонников Мадзини в политической борьбе.

Анализ деятельности буржуазных политических партий в период Рисорджименто позволяет Грамши развенчать некоторые излюбленные, по своему существу антинародные идеи буржуазной историографии. Рассматривая, например, одно из таких утверждений, что заслуга в осуществлении единства страны принадлежит будто бы исключительно «образованным классам», «героическому руководящему меньшинству», Грамши отмечает, что в ходе Рисорджименто народные массы не раз властно, самочинно вторгались в национальное движение. Так, во время революции 1848—1849 гг. «традиционные политические партии (т. е. пьемонтские правые, либералы, неогвельфы. — В. Б.) были захлестнуты народной, мадзинистско-демократической волной — волной хаотической, так сказать «импровизированной». Хотя во главе этого движения и стояли неподготовленные вожди, «оно достигло, бесспорно, больших успехов, чем партия умеренных: Римская республика и Венеция показали весьма

⁵⁵ Немногом более чем за месяц до высадки экспедиции Гарибальди в Неаполитанском королевстве Кавур 30 марта 1860 г. писал сардинскому посланнику в Неаполе Вилламарине: «Вы знаете, что я ни в малейшей степени не желаю содействовать преждевременному разрешению неаполитанского вопроса. Напротив, я считаю, что было бы удобно, если бы современное положение вещей оставалось неизменным еще несколько лет». — «La liberazione del Mezzogiorno e la formazione del regno d'Italia. Carteggi di Camillo Cavour con Villamarina, Scialoja, Cardova, Farini, etc», vol. I. Balagna, 1949, p. 37.

⁵⁶ A. Gramsci. Il Risorgimento, p. 153.

⁵⁷ Ibid., p. 46.

⁵⁸ Этим, вероятно, можно объяснить некоторые чрезмерно резкие, на наш взгляд, замечания по адресу демократов, например утверждение, что «Партия действия была не чем иным, как органом пропаганды и агитации на службе у умеренных». — Ibid., p. 73.

⁵⁹ A. Gramsci. Il materialismo storico e la filosofia di B. Croce, p. 193.

значительную силу сопротивления». Важную роль сыграли действия масс и в последние десятилетия Рисорджименто. «После 1848 г.,— пишет А. Грамши,— через Кавура и Гарибальди наладилась связь между двумя силами, регулярной и «стихийной», и это дало максимальный результат, хотя впоследствии он был присвоен одним лишь Кавуром». Эпоха Рисорджименто показала исключительное значение стихийного движения масс⁶⁰. Если же народное движение в Италии не получило такого размаха, что его можно было бы сравнить, например, с народным движением в период Французской революции XVIII в.⁶¹, то в этом, подчеркивает Грамши, следует винить именно «руководящее меньшинство», которое из страха перед «якобинизмом» пренебрегало своим долгом возглавить широкие массы и вовлечь их в борьбу за освобождение.

Выясняя вопрос о причинах поражения революции 1848—1849 гг., Грамши указывает, что нельзя было вызвать энтузиазм и дух самопожертвования у народных масс, не удовлетворяя их требований, или надеяться получить поддержку низов только на основе слепой веры в пьемонтское правительство. Поэтому ответственность за неудачи, которые пришлось претерпеть национальному движению, следует приписать, как подчеркивает Грамши, не народным массам, а «незрелости и ничтожной эффективности действий руководящих классов»⁶².

Этот основной вывод является одновременно центральной идеей, проходящей красной нитью через все исторические исследования Грамши. Руководящие группы итальянской буржуазии проявили или нежелание (либералы), или неспособность (демократы) осуществить руководство народными массами, не поплы навстречу их требованиям, не использовали потенциальную энергию их революционности. Это дает основание А. Грамши подвергнуть руководящие слои национального движения, «образованные классы», как их называют буржуазные историки, суровому суду, причем особенно большой счет он предъявляет, естественно, Партии действия, которая имела наибольшие возможности для установления связей с народными массами. Но у демократов не оказалось четкой социальной программы, которая могла бы, связав воедино политических руководителей и низы и указав конкретные цели и перспективы борьбы, вызвать мощный напор народа. Это помешало радикальным слоям «сыграть значительную роль при окончательном установлении равновесия сил в соответствии с эффективностью их вмешательства в события»⁶³. Умеренные смогли поэтому присвоить себе все те положительные результаты, которых демократам удалось достичь на заключительных этапах освободительной борьбы. Либералы не допустили развития народного движения вглубь и завершили таким образом воссоединение Италии в соответствии со своими интересами, утвердив в стране монархический режим и безраздельное господство буржуазно-помещичьего блока.

Подводя итоги своекорыстной политике, проводившейся руководителями итальянской буржуазии, А. Грамши пишет: «Они говорили о намерении создать современное государство в Италии, а произвели какого-то уroda; они стремились создать энергичный и обширный руководящий класс — и потерпели неудачу... Узость политической жизни в период с 1870 по 1900 г., широко распространенное стихийное бунтарство народных классов, скудное и стесненное существование ленивого и скептически настроенного руководящего слоя — таковы последствия этой порочности»⁶⁴. Сохранение феодальных пережитков в деревне, упорное нежелание правящих классов поступиться в чем бы то ни было своими узкоклассовыми, корпоративными интересами обуславливали внутреннюю слабость буржуазного либерального государства и привели в конце концов, спустя всего 50 лет после его образования, к национальной катастрофе, к установлению реакционнейшей диктатуры фашизма, дорогу которому открыли наследники политики умеренных. Эта мысль об органической связи и преемственности эгоистической классовой политики правящих групп итальянской буржуазии в прошлом и настоящем придает историческим исследованиям А. Грамши большую разоблачительную силу и актуальность.

⁶⁰ A. Gramsci. Note sul Machiavelli, p. 72—73.

⁶¹ A. Gramsci. Il Risorgimento, p. 65.

⁶² Ibid., p. 94.

⁶³ A. Gramsci. Note sul Machiavelli, p. 73.

⁶⁴ A. Gramsci. Il Risorgimento, p. 94—95.

Марксистское направление в итальянской историографии, в частности в историографии Рисорджименто, складывалось необычно. Начало было положено не исследованиями частных вопросов, частных проблем большего или меньшего масштаба, а созданием обобщающего труда, посвященного исследованию ряда узловых моментов истории Италии, прежде всего эпохи Рисорджименто. Применение марксистского метода к анализу истории Италии открыло новые горизонты, обнаружило скрытые дотоле стороны исторического процесса. А. Грамши впервые в итальянской историографии дал научный анализ деятельности итальянской буржуазии и ее главных политических группировок в эпоху Рисорджименто, он поставил в широком плане проблему аграрной реформы, рассматривая ее как пробный камень при оценке социального и политического содержания деятельности основных направлений национального движения, и всесторонне исследовал проблему руководства движением народных масс.

А. Грамши положил начало марксистской историографической критике в итальянской исторической науке, сочетая острый анализ и необычайно бережное отношение к малейшим позитивным элементам используемых работ.

Можно соглашаться или не соглашаться с некоторыми положениями, выдвинутыми А. Грамши, но нельзя отрицать, что все его замечания заставляют рассматривать многие вопросы в новых аспектах и тем самым содействуют развитию исторической науки.

А. Грамши умело использовал исторический анализ Рисорджименто для выработки стратегии и тактики итальянского пролетариата, для объяснения причин постигшей страну национальной катастрофы, отыскания путей ее преодоления и разработки проблем новой революции, которая должна открыть перед Италией возможность перехода к «Ordine Nuovo», к новому, социалистическому строю.

